

Чистая вода реки прорезала центр густого леса. На реке возвышалась дамба, верхняя часть которой служила дорогой. Слева дамба обрывалась к воде, в которой отражалась Кино на мотоцикле.

Утро было прохладным. На Кино было длинное коричневое пальто, полы которого обтягивали ее ноги. Она надела шапку-ушанку; влажный воздух обдувал ее лицо.

— Это отличная дорога, но ты едешь слишком быстро! — крикнул Гермес.

— Что? — Кино рассмеялась, и звук понесся за ней по залитому солнцем воздуху. — Гермес, когда ты успел стать стариком?

Она заставила его включить последнюю передачу, двигатель ревел так громко, что Гермес понял: у них нет друзей среди лесных существ. Затем они въехали на пологий подъем, и он взмыл в воздух. Несчастный металлический комок пролетел по воздуху несколько ярдов и с грохотом приземлился, задрав задний хвост.

— Кино! — закричал он. — Прекрати!

Кино отпустила педаль газа, все еще смеясь.

— Ты что, никогда не хотел полетать?

— Летать? — проворчал Гермес. — Я же мотоцикл, ради всего святого! Мне место на земле. Лети, моя выхлопная труба. Я думал, моя рама погнется!

Кино еще больше замедлила его.

— Ничего не погнулось, кроме твоей нудной чувствительности. Мы разогнались до сотни! Давно так не ездил, да еще и с таким грузом. Ты должен гордиться собой, Гермес.

— Ты явно гордишься собой. Знаешь, что сказал другой Кино о максимальной скорости мотоцикла?

Она выдержала паузу, потом спросила:

— Нет, а что он сказал?

— Он сказал, что максимальная скорость мотоцикла - это скорость, с которой он разваливается на части. То есть по швам. Разбитая, искореженная груда металлолома... Ты все еще хочешь узнать мою максимальную скорость?

Кино сначала ничего не ответила, а потом трезво сказала:

— Извини, Гермес, — и похлопала по бензобаку мотоцикла.

— Почему мы так торопимся? — спросил он.

— Да так. Я думаю, если не испытывать свои пределы, их становится все труднее достичь.

— Когда ты это придумала?

— Примерно тогда же, когда ты придумал эту чушь про максимальную скорость мотоцикла. О, кстати, мы должны въехать в следующий город в любой момент.

— О, я весь трепещу.

Гермес знал, что версия Кино о том, что они в любой момент могут оказаться в городе, была не слишком надежной.

— Видишь? Вот он.

Высокая внешняя стена из серого камня окружала город, на который она указывала. Внутри города множество зданий окружало огромное эллиптическое сооружение, стены которого были почти такой же высоты, как и защитный внешний занавес города.

Оно тревожно напоминало Гермесу яблочко.

— Я давно хотела сюда приехать, — сказала Кино, как будто замороженная.

Учитывая их недавний опыт, Гермес не испытывал такого энтузиазма.

— Надеюсь, ты позволишь мне немного отдохнуть, когда мы доберемся до места, — пробормотал он. — В каком-нибудь прохладном, темном и не слишком сыром месте.

— Что ты сказал? — воскликнула Кино, заслоняя глаза, чтобы разглядеть лицо стражника. Она стояла в узком, вымощенном булыжником проходе между караульным постом и сторожкой, и солнце ослепительно падало между карнизами над головой.

Молодой человек ответил:

— Я буду повторять это столько раз, сколько вы захотите. Вы допускаетесь в этот город-государство. А значит, вы автоматически становитесь участником конкурса. Так уж здесь устроено.

Кино уставилась на него со смесью удивления и ужаса.

— То есть вы хотите сказать, что я должна участвовать в этом... в этом конкурсе?

— Да, это так. Неужели ты пришел сюда, не зная об этом, мальчик? — насмехался охранник.

— Не называй меня "мальчиком". Я не мальчик. Я - Кино.

В подтверждение своих слов Кино распустила лацканы пальто и положила руки на стройные бедра, стараясь не показать револьвер, пристегнутый к правому бедру.

— Хорошо, девочка, — сказал охранник с безжалостной ухмылкой. — Еще раз, для убедительности: вы автоматически становитесь участницей конкурса. Знаешь, что бывает с теми, кто не хочет участвовать?

Кино фыркнула.

— Откуда мне знать? Я никогда здесь не был. И уж точно на дороге нет никаких знаков, рекламирующих ваш так называемое соревнование.

— Тогда я расскажу тебе, что произойдет. Наказание для труса - ты проживешь остаток своей жизни в качестве раба".

— Почему?

— Таков порядок вещей. Закон страны. Если не подчинишься ему, пострадает твоя голова.

Он ухмыльнулся.

Кино посмотрел на бирку, которую охранник прикрепил к рулю Гермеса. На ней значилось число двадцать четыре. Их номер "конкурсанта".

Раз в три месяца, как сказал охранник, в этом городе проводился конкурс на право получения гражданства. Любой, кто хотел жить здесь, должен был сразиться в Колизее, и победитель становился гражданином.

Состязание длилось три дня. Два раунда поединка в первый день - который начинался, видимо, с того, что приезжему выдавали номер, два раунда во второй день и последний решающий раунд в третий день.

Ограничений на оружие не было, но нельзя было наблюдать за поединками других участников. Можно было попытаться сдаться, но это действовало только в том случае, если противник признавал капитуляцию. В противном случае проигравшим считался тот, кто не смог продолжить. В большинстве случаев "не в состоянии продолжать" означало "мертв". Если вы отказывались сражаться, вас ждала жизнь в рабстве; если вы пытались бежать, вас обвиняли в трусости и казнили на месте.

Почти все жители страны собрались в Колизее, чтобы посмотреть. Даже правитель, король Юкио, наблюдал за состязаниями из специальной пуленепробиваемой ложи. Все остальные зрители, конечно, рисковали быть ранеными или даже убитыми шальными пулями или другими боеприпасами.

— Это только усиливает напряжение и волнение, — с нетерпением сказал охранник, а затем заключил — Последний стоящий мужчина или женщина получает из рук короля медаль гражданства. В это время ему также разрешается принять один новый закон. Если он не противоречит существующим законам, это может быть практически все, что угодно.

— Что - никто не попросил прекратить соревнование? — с сарказмом спросила Кино.

— Большинство людей, — ответил стражник, словно не слыша ее, — принимают законы вроде "У меня всегда будет дом, в котором я буду жить" или "Я женюсь на самой красивой и богатой женщине в стране".

— Эгоистичные вещи, другими словами.

— Наверное. В любом случае, сегодня последний день для въезда. Любой, кто пройдет через ворота до истечения срока, автоматически становится участником. Поздравляю. Ты в игре.

— Но я не хочу входить. Я не хочу быть гражданином этого... места.

Охранник покачал головой.

— Шутишь, да?

Кино огляделась вокруг. Число ее зрителей увеличилось вдвое после того, как она показала

себя простой девушкой, и стражники, которым нечем было заняться, слетались со всех концов ворот, чтобы поглазеть и поиздеваться. Она искренне пожалела, что не позволила им поверить в то, что она мальчик. Каждый мужчина вульгарно ухмылялся и бряцал оружием, словно говоря: "Только посмотрите на это!"

Она оценила свое положение: она была буквально на их территории - стояла в тени их станционного дома. Полдюжины блестящих белых шлемов, висевших на прищепках прямо за дверью станционного домика, жутко напоминали отполированные черепа.

— Ну как? — спросил другой молодой человек, глядя на нее сузившимися глазами, — Будешь участвовать? Или сразу отправишься в помещение для рабов? Ты будешь первой, кто это сделает, Кино. Или лучше сказать - номер 24?

— Когда началась эта игра? — спросила Кино, обращаясь к первому охраннику и игнорируя остальных, пытавшихся привлечь ее внимание.

— Около семи лет назад. Но, пожалуйста, не называй это игрой. Приз - гражданство нашего славного города.

— Славного? — Кино бросила взгляд на стражника. — Я слышала, что этот город окружен зелеными лесами и полями, которые обеспечивают всех необходимым. Я слышала, что люди тут скромны и ведут простую, великолепную жизнь.

— Это все еще правда, — защищался другой стражник.

— Не веди себя так, будто это древняя история. Еды хватает на всех, даже если не выполнять никакой работы. Это рай на Земле. Для таких, как вы, он будет пустым.

— Что случилось семь лет назад? — спросила Кино, не обращая внимания на оскорбление.

Молодой страж ворот повернулся к своим соотечественникам, выделив для ответа на вопрос одного из ветеранов.

— Ты расскажешь ей, Таро.

Таро, казалось, был очень рад прочитать лекцию на эту тему. Он напустил на себя почти профессорский вид и сказал:

— Семь лет назад у нас появился новый король. Юкио - да здравствует он - убил старого короля и сделал королевство намного интереснее. С тех пор многие люди хотят жить здесь, но мы не можем просто так пускать всех подряд. Поэтому мы заставляем их сражаться в Колизее, чтобы доказать свою ценность и преданность. Мы оставляем только самых сильных и ловких. Остальные... — Он красноречиво пожал плечами, а затем подставил свое лицо прямо к лицу

Кино. — Ты поняла меня, девочка?

Кино не позволила выражению своего лица измениться.

— Я прекрасно понимаю. У меня есть еще один вопрос: Все ли участники были согласны? Знали ли они, что будут сражаться насмерть? Или были такие, как я, обычные путешественники, которые забрели сюда, не зная правил? Которые даже не хотели оставаться здесь, не говоря уже о том, чтобы стать постоянными гражданами?

Это заставило всех стражников фыркать и гоготать. Наконец Таро взял себя в руки и сказал:

— Да, есть несколько идиотов вроде тебя. Обычно их убивают в первом же раунде. Они плачут и умоляют, пытаясь сдаться, как будто противник им это позволит. Помню, одна пара приехала с лошадью и телегой и по счастливой случайности получила возможность сразиться друг с другом в первом раунде! Жена сдалась и выжила, потому что он ей позволил, но муж был убит в следующем раунде. Это было так романтично!

Таро удвоился от смеха, а остальные охранники захихикали от воспоминаний. Никто из них не заметил, что глаза Кино опасно сузились.

— Тогда веди меня, — сказала она.

— О радость, — пробормотал Гермес.

Один из охранников перестал смеяться, чтобы спросить:

— Ты что-то сказала?

Его глаза встретились с глазами Кино, и он проглотил свой смех.

— Я сказал, веди меня к нему.

Ее взгляд, холодный и твердый как лед, не дрогнул.

Смех охранников затих. Наступило долгое молчание, сопровождаемое шарканьем сапог и скрипом ружейных ремней.

Наконец один из охранников заговорил.

— Эй, мальчик-девочка, ты действительно хочешь сразиться? Думаешь, сможешь победить? У тебя хоть есть оружие? Или ты собиралась использовать это милое личико в своих целях?

Знаешь, не так уж много бойцов выбирают твой тип.

— Ага, — хихикнул Таро. — Это как с рыбой: большинство людей выбрасывают ее обратно, если она слишком мала.

Стражники зашумели, но их смех заглушил оглушительный и продолжительный рев. Шесть белых шлемов соскочили с колышков, и узкий проход заволокло белым дымом. Только через несколько мгновений изумленные мужчины заметили пистолет в правой руке Кино.

— Подойдет? — спросила Кино, убирая Пушку в кобуру на правом бедре.

— Ты маленькая... — Молодой страж ворот прыгнул на нее и схватил за горло. Он замер, почувствовав дуло полуавтомата, упершееся ему в лоб.

— Передай привет Леснику. Как думаешь, это можно считать оружием... мальчик?

Молчание.

— Я участвую в вашем конкурсе, — сказала Кино, затем повернулась и пошла прочь.

— Какой беспорядок! — воскликнул Гермес, когда они углубились в город.

Куда бы они ни посмотрели, везде были кучи мусора. Но это была не свалка, весь город был завален мусором. Здания и дороги были грязными и, очевидно, не обслуживались годами. Несколько горожан лежали на дороге, спали, одетые в грязную одежду. В городе было тихо. Несколько жирных собак ковырялись в мусорных кучах. Все вокруг воняло.

— Видишь город - знаешь людей, верно, Кино? Или наоборот?

Гермес внимательно следил за парой стражников, шедших позади.

Кино молча толкала его вперед, ни разу не оглянувшись.

Пройдя несколько поворотов по улицам, поражающим своей убогостью, они добрались до

Колизея. Это было эллиптическое сооружение, которое они видели издалека. Вблизи оно напоминало разбитую чашу. В известняковой облицовке открылись огромные трещины, обнажив ржавый металлический каркас.

— Я не знаю, когда и кем это место было построено, — сказала Кино, прикрывая свое беспокойство сарказмом, — но они проделали ужасную работу. У проектировщика было так же мало таланта, как у строителя - мастера. Никудышная работа.

Охранники не обратили на это внимания и провели Кино и Гермеса в комнату под Колизеем, сказав им, что это "жилище участников". Вряд ли она была достойна этого величественного звания и лишь немногим лучше подземелья. В стене было крошечное окошко, над кроватью, настолько изношенной, что пружины торчали то тут, то там. Но в раковине и туалете, по крайней мере, была проточная вода.

Гермес не мог не отметить, что здесь было прохладно, темно и не слишком сыро. Что лишний раз подтверждает старую поговорку о том, что нужно быть осторожным с тем, что просишь.

— Ну и помойка, — пожаловался он вслух, как только стражники покинули их.

Кино сняла пальто и свернула его.

— Так было не всегда. Когда-то это была великая страна, которую не должен пропустить ни один путешественник.

В ее голосе звучала тоска.

— Откуда ты знаешь? — спросил Гермес. — Ты читаешь туристические брошюры или что-то в этом роде? Я никогда не читаю ничего интересного.

Кино села на кровать, достала "Леника" и положила его на одеяло рядом с собой.

— Помнишь ту парочку, о которой говорили стражники?

— Та, что с повозкой и... О! Мы их встречали... где-то... не так ли?

Кино слабо улыбнулась.

— Стареешь, Гермес? Да, ту пару. По правде говоря, я тоже не помню, где и когда мы с ними встретились, но я помню, что женщина рассказала мне об этом месте. Они искали его из-за того, что слышали. Бедности почти нет, мудрое руководство, работа и еда для всех.

— Звучит неплохо... О, я понимаю. Вот почему ты была так счастлива по дороге сюда. Ты думала, что это будет весело.

— Да. Весело. Ты помнишь веселье?

Кино поднялась и выгрузила багаж из переноски Гермеса, затем достала пять пустых журналов для "Лесника" и разложил их на кровати.

— Ты это серьезно, Кино?

— О чем?

Кино вытащила из кобуры Пушку и разобрала ее, отведя ствол от рукоятки.

— О конкурсе. Я знаю, что ты оскорблена, но нет причин подыгрывать безумным законам этого города. Покалечь своего первого противника - совсем немного, конечно, - а когда он сдастся, сдайся ему. Тогда мы сможем оставить это место позади.

— Я могу это сделать.

Кино вынула цилиндр пушки, затем достала из одного из подсумков два пустых цилиндра.

— Но ты же не собираешься, правда?

Кино зарядила один из пустых цилиндров в Пушку и сказала:

— Только в крайнем случае.

— В крайнем случае? Боже правый, Кино, что за крайняя мера? Ты же не собираешься всерьез участвовать?

— Почему бы и нет? Если все закончится через три дня, я могу и закончить.

Используя нечто, похожее на ветеринарную подкожную пилюлю, Кино залила зеленую жидкую взрывчатку в шесть пустых камер пушки. После этого она вставила кусок войлочного пыжа и пулю.

Кино собрала Пушку. Затем она вставила каждую пулю в свою камеру, стараясь не набивать их слишком плотно. Она смазала верхушки пуль, чтобы искры не перелетали из одной камеры в другую при выстреле. С помощью заряжающего она установила ударный колпачок на заднюю стенку каждого цилиндра, чтобы при ударе молотка по нему воспламенилась жидкая

взрывчатка в камере.

Наблюдая за серьезным выражением лица Кино, когда она готовила пистолет, Гермес не на шутку разволновался.

— Как только ты решишь, тебя уже не переубедить, ты знаешь это?

Кино проверила, ровно ли вращается цилиндр пушки. Затем она по-девичьи улыбнулась.

— Знаешь, как говорят: "Если не испытывать свои пределы, их становится все труднее достичь.

— Ты сама это придумала.

— Так-так, — медленно выдохнула Кино, — это король.

Подойдя к центру поля битвы - одна, поскольку оставила Гермеса в подземной комнате охранять их вещи, она взглянула на человека, сидящего в неприметной, безвкусной роскоши в своем пуленепробиваемой королевской ложе. На нем была корона и вычурная одежда. Корона, как ни странно, была простой и элегантной, отчего еще больше контрастировала с вульгарным одеянием короля. По обе стороны от Его Высочества стояли молодые женщины, одетые в столь же аляповатые наряды, которые красочно переливались в окружающем стекле.

— А это, должно быть, славные горожане.

Кино окинула взглядом зрителей. Молодые и старые, мужчины и женщины - места были заполнены до отказа зрителями, возбужденными и жаждущими крови.

Она мрачно улыбнулась, вспомнив последние слова Гермеса, сказанные ей, когда ее забирали из камеры.

— Постарайся не умереть.

Я постараюсь, подумала она.

За исключением круглого поля, к которому она сейчас приближалась, на эллиптическом поле были разбросаны разбитые машины и обломки разрушенных зданий, очевидно, предназначенные для "прикрытия" участников.

Поединок должен был начаться, когда оба претендента встанут на краю центрального поля. С противоположного края поля приближался ее противник - огромный мужчина, больше похожий на мускулистую глыбу с приделанной головой, чем на человека. Его торс был обнажен, а голова обрита так, что в ней отражалось солнце. В руках он держал толстую цепь, на конце которой висел железный шар размером с маленького ребенка. Булава без шипов.

Когда Лысый достиг края поляны, он дернул за цепь, побуждая железный шар догнать его. Краем глаза он увидел Кино и вытаращился на нее.

— Что за? Они поставили меня против ребенка?

Его голос прозвучал достаточно громко, чтобы быть услышанным над толпой, и вызвал смех. Зубы короля сверкнули на его бронзовом лице.

— Простите, - вежливо сказал Кино. — Прежде чем мы начнем, у меня к вам два вопроса, благородный противник. Во-первых, почему вы пришли в этот город?

Ее "благородный противник" ответил вопросительным ворчанием.

— Я спросила: Зачем вы пришли сюда?

— Ты что, глупая? Я пришел сюда, чтобы жить. И чтобы убить... тебя, так уж вышло.

Он захихикал - звук был похож на стук гравия в железном горшке.

Кино кивнула и сказала:

— Вопрос номер два: Сдадитесь ли вы?

— Сдаться?

— Если вы сдадитесь сейчас, то сможете уйти отсюда невредимым. У меня нет желания убивать вас.

В ответ второй участник укоротил свою цепь и начал размахивать обнаженной булавой над своей лысой головой. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, железный шар просвистел в воздухе со звуком, похожим на взмахи крыльев гигантского дракона.

Рука Кино скользнула по правому бедру и нащупала Пушку. Зрители замолчали. Негромкие трубные фанфары возвестили о начале боя.

— УМРИ! — крикнул Лысый, его мускулы пульсировали от напряжения. Железный шар внезапно сошел со своей орбиты и по смертоносной дуге... разбил сгоревший автомобиль в нескольких ярдах позади него.

Толпа задыхалась в унисон.

Долгое мгновение противник Кино смотрел на хромающую цепь, а затем подтянул ее к себе рукой, словно леску. Он поднес последнее звено к лицу и прищурился. Оно было перебито одной пулей.

— Хм... — сказал он. Он почесал голову и посмотрел на Кино. Пушка была в ее правой руке... и все еще дымилась. Выражение его лица сменилось с озадаченности на изумление. Он указал на конец своей цепи.

— Это ты сделала?

— Я.

Он указал на место, куда упал железный шар. Он скатился с крыши машины и образовал небольшую воронку на песке. "А вот это?"

— Не хотите ли вы сдаться? — спросила Кино.

— О, да, пожалуй, — быстро сказал Лысый.

Кино поклонилась и убрала пистолет в кобуру.

Высокий, худой молодой человек с фиолетовым ирокезом, стоявший перед Кино в вечернем раунде, дразнил ее точно так же, как и первый мужчина, но добавил зловещую усмешку.

Если бы они начисляли очки за стиль, размышляла Кино, у меня могли бы быть проблемы.

В руках у ее нового противника не было оружия. Он был одет в какое-то свободное черное одеяние с толстым поясом, покрытым тонкими металлическими чешуйками, каждая длиной примерно с ладонь.

Кино думала, что это доспехи, пока он не выхватил одну чешуйку из коллекции и не подбросил ее в воздух. Она закрутилась в воздухе, затем повернулась и вернулась к нему, как метательная звезда или бумеранг. В этот момент он поднял левую руку, вытянув ее прямо из тела. От запястья до левой лодыжки протянулась полоса ткани, похожая на крыло белки-летяги.

Маленькая метательная звездочка влетела в ткань и застряла.

Кино моргнула. Ткань действительно поглощала маленький кусочек острого как бритва металла. Когда она исчезла из виду, юноша приложил левую руку к правому плечу, а правой постучал по животу. Эти два жеста вместе выглядели как некое комичное приветствие, но когда он убрал правую руку от пояса, металлическая чешуйка снова появилась среди своих собратьев.

Он захихикал, наблюдая за лицом Кино.

— Видишь? Я сам придумал эти метательные звездочки. Ручная работа. И очень послушные; они все возвращаются к своему хозяину.

Ооо, подумала Кино. Страшно. Вслух же она сказала:

— Пожалуйста, сдавайтесь. Я добросовестно приму вашу покорность и не причиню вам вреда.

— Нет, не думаю. Ты, конечно, можете сдаться, но я приму это только.... от твоего призрака.

Он снова рассмеялся, тем же зловещим, явно хорошо отработанным смехом, которым приветствовал ее. Он прижал обе руки к животу, скрючился и уставился на нее.

Правая рука Кино скользнула вниз, к пушке. Не отрывая взгляда от противника, она открыла кобуру.

Фанфары прозвучали вовремя.

Фиолетовый Петух сделал изящный жест левой рукой, а правой схватил одну из металлических чешуек и метнул ее в Кино. Он бросил еще одну и еще.

Кино отпрыгнула вправо, уклоняясь от метательных звезд, зная, что они изменят направление где-то позади нее. Мужчина продолжал бросать, целясь теперь вправо от Кино. Она снова уклонилась влево.

Но Фиолетовый Петух не бросил все свои чешуйки сразу: примерно половина их количества все еще оставалась прикрепленной к его странному поясу. Почувствовав настороженность Кино, он начал танцевать, покачивая бедрами то в одну, то в другую сторону и дразня ее:

— Они у тебя за спиной. Сейчас повернут. Теперь возвращаются. Если я брошу остальные, сможешь ли ты увернуться от них с двух сторон?

Кино оглянулась и увидела, что он прав: чешуйчатые возвращались.

— Умри! — закричал мужчина и метнул остальные, его руки превратились в сплошное пятно. Они летели прямо на Кино.

Она упала на землю.

Фиолетовый Петух зарычал в недоумении.

Кино подняла голову, когда над ее головой просвистела метательная звезда. Они послушно вернулись к своему хозяину, который скривил губы и развернул свое матерчатое крыло, чтобы поглотить их...

В этот момент Кино выстрелила из пушки с земли.

Раздался страшный грохот и повалил дым. Пуля ударила человека прямо в металлическую чешую, все еще державшуюся на створке. Сила удара вогнала чешую глубоко в живот. Он издал ужасный, придушенный крик и застыл с открытым ртом и пустыми глазами. Он зашатался, раскачиваясь из стороны в сторону, как метроном, и задыхаясь.

Сзади раздался шепот, от которого у Кино заложило уши. Она выстрелила второй раз в правое бедро.

Он вздрогнул и упал, из ноги потекла кровь, когда вторая волна металлических чешуек безвредно прошла над ним.

Кино вернулась в свою подземную комнату, зажгла свечу, положила оружие на узкую кровать и сняла куртку.

— А, Кино. Когда ты вернулась? — ворчливо спросил Гермес.

— Только что. Мы останемся здесь на ночь.

— Значит, ты не сдалась. Я так и думала. Сладких снов.

Гермес снова заснул.

Он много спит, даже для него, подумала Кино. Но сейчас у нее оставалось мало сил, чтобы беспокоиться о лени Гермеса.

На следующее утро Кино проснулась на рассвете. Она лежала до тех пор, пока в комнате не стало достаточно светло, чтобы она могла видеть свои руки перед лицом. Затем она поднялась, умылась, почистила и перезарядила Пушку, из которой стреляла накануне.

Завтрак состоял из пайка выживания. Затем последовали упражнения на растяжку. После этого она немного потренировалась с Лесником, а затем с Пушкой.

Через некоторое время пришли стражники, чтобы отвести ее в Колизей.

Гермес спал.

Ее первый противник в тот день смотрел на нее в непостижимом молчании. Это был пожилой мужчина, невысокий и крепкий, с длинными каштановыми волосами и такой густой бородой, что трудно было определить, где она заканчивается и где начинаются волосы. Вокруг его глаз пролегли глубокие морщины.

Он был одет в мешковатую и грязную рясу, которая делала его похожим на монаха-богомольца. Под рясой, за правым плечом, виднелась странная выпуклость. Кино не могла определить, был ли это изуродованный горб или что-то искусственное. На нем не было видно ни доспехов, ни оружия. Вместо этого он нес позолоченный тромбон.

— Ладно. Теперь нищий музыкант.

Кино представила его на улице играющим ради милостыни.

— Если вы сейчас сдадитесь, то я приму это.

Кино внимательно оглядела соперника.

Музыкант ничего не ответил, но его правый кулак сжался.

Кино пальцем открыла кобуру Пушки.

Когда зазвучали трубы, музыкант поднял свою трубу вверх, так что раструб был направлен прямо на Кино.

Кино выхватила Пушки и выстрелила. Пуля ударилась о блестящий обод раструба, отбросив его резко вправо. Вместо звука тромбон изверг фиолетовую студенистую жидкость. Она взвилась в воздух и вспыхнула, собравшись на земле в небольшое огненное озеро.

Кино не позволила себе впечатлиться. Она выхватила "Лесника" из кобуры, сняла с предохранителя и прицелилась в голову тромбониста. Он успел лишь моргнуть, прежде чем она слегка сместила прицел и нажала на курок.

Раздался резкий звук, и пуля просвистела мимо лица мужчины, промахнувшись мимо него менее чем на дюйм. Он улыбнулся и снова нацелил свой инструмент на Кино.

Внезапно из его правого плеча вырвался фиолетовый гейзер.

Он остановился на полуслове и уставился на потеки. Содержимое его "горба" вытекало через маленькое аккуратное отверстие, проделанное Кино в шланге, по которому зажигательная жидкость поступала к тромбону. Жидкость дождем лилась на удивленного бойца и окружающую землю.

Кино стояла спокойно, держа в каждой руке по пистолету, и говорила:

— Это не очень большое отверстие, поэтому я предположу, что за ним скапливается большое давление, а значит, если вы не закроете клапан, его прорвет. Сдадитесь ли вы сейчас?

Мужчина перевел взгляд со своей промокшей одежды на лицо Кино.

— Я отказываюсь.

— Тебе не победить, - сказал Кино, прицеливаясь Лесником.

Мужчина не сдвинулся с места. Он просто смотрел на нее.

— Убей меня.

— Почему?

— Убей меня.

Кто-то на трибунах закричал:

— Прикончи его! Убейте его!

Это подняло на ноги всю аудиторию и запустило ритмичное скандирование:

— Убей! Убей! Убей его сейчас же! Убей! Убей! Убей его сейчас же! Убей! Убей! Убей его сейчас же!

Кино медленно повернулась и посмотрела на зрителей, которые радостно, безумно кричали, требуя крови этого человека. Затем она подняла Пушку над головой и один раз выстрелила в воздух. Зрители затихли, наслаждаясь драмой.

Кино повернулся к королю.

Одетый в роскошные одежды, он с усмешкой смотрел на нее из своего ложа. Их взгляды встретились, и Кино заставила себя вежливо улыбнуться.

Позади нее музыкант сказал:

— Чего ты ждешь? Его разрешения? Оно у тебя есть. А у тебя есть мое. Мы поставили свои жизни на этот поединок. Победитель выживает, проигравший умирает. Таков закон. Сегодня я проиграл. Поэтому я умру, а ты, девочка, будешь жить. Стреляй... в меня... сейчас же.

Кино скорчила гримасу, оглянувшись через плечо.

— Девочка? Не заставляй меня рвать глотку. Я - Кино.

— Кино? Хорошее имя. Я буду помнить его в аду.

— Спасибо...

Она повернулась на каблуке, подошла к мужчине и остановилась прямо перед ним.

Толпа снова зашумела, требуя его смерти.

Она приставила Пушку к его лбу и взвела курок.

— Сдавайтесь.

— Нет.

— Тогда у меня нет выбора.

Кино медленно опустила молот на место.

— Что за игру ты затеяла? — прошептал он злобно. — Они убьют тебя, если ты не удовлетворишь их.

Кино повертела в руках Пушку, переместила руку на ствол и нанесла противнику удар прикладом в висок.

Музыкант рухнул на песок, потеряв сознание.

— Такая милашка, как ты вообще добралась до сюда? О чем только думали твои противники?

Второй противник Кино за день сопровождал свои слова взглядом, полным презрения. Это была молодая женщина с длинными светлыми волосами, затянутыми в хвост. Высокая, с острыми, как у лисы, чертами лица, она была одета в брюки-карго и походную рубашку, которые выглядели как некая униформа. Поверх рубашки был надет жилет с маленькими подсумками. Набедренные карманы ее штанов были необычными, разделенными длинными узкими складками, как будто для хранения коротких стрел или дротиков.

Она держала ружье с деревянной ложей, прислоненной к бедру, и тонким дулом, устремленным в небо. Это была винтовка, которая после каждого выстрела выбрасывала стреляную гильзу и заряжала новую. Не слишком эффективно для такого рода соревнований.

— Должно быть, они меня недооценили, — безразлично сказала ей Кино.

Та кивнула.

— Да... Я постоянно использую этот трюк. Работает как шарм, да?

Кино спросила:

— Вы действительно хотите стать гражданином?

— Я? Конечно, хочу. Хочешь знать, почему?

Кино не ответила, но блондинка все равно рассказала, ее рот искривился в странной полуулыбке.

— Когда я шла через лес за городом, я встретила прекрасного мальчика, который играл в ручье. Милый ребенок. Драгоценный ребенок, но он сказал мне, что у него нет ни матери, ни отца. Если я получу гражданство, они позволят мне усыновить его.

Она, казалось, прочитала изумление Кино и добавила:

— Ты не понимаешь, правда, маленькая девочка? Это просто женская природа, я полагаю.

Женская природа. Возможно, она должна понимать. Возможно, она просто хотела понять. Она подумала о собственной матери и пожала плечами.

— Полагаю, вы откажетесь, но не сдадитесь ли вы?

— Эй, это моя фраза, — огрызнулась блондинка.

— Я боялась, что вы так скажете, — прошептала Кино, поглаживая правой рукой Пушку.

Блондинка взвела винтовку, когда фанаты начали скандировать; Кино бросилась в укрытие, когда ее противник выстрелила из-за основания разбитой статуи, едва не промахнувшись мимо нее. Пуля пробила толстый металл над головой Кино, как будто он был сделан из воздуха.

Бронебойные пули?

Кино подождала немного, а затем снова двинулась вперед, выныривая из-за железного лома и перекаtywаясь под прикрытием каменной кладки.

— Ты очень хороша, — крикнула ее противник. — Но недостаточно.

С ослепительной быстротой она передернула затвор винтовки; стреляная гильза выскочила из ствола, и в патроннике появилась следующая пуля.

Кино перекатилась влево, на ходу доставая "Лесника" и снимая его с предохранителя. Она остановилась под железной плитой и выглянула наружу, уловив блеск золотистых волос женщины, когда та скрылась за укрытием. Воспользовавшись случаем, Кино нырнула с плиты в укрытие из наваленных обломков.

Она только успела перевернуться на живот, как пуля вонзилась в камень. Блондинка, должно быть, обладала невероятным периферийным зрением.

За этим залпом последовали еще три, как будто женщина пыталась пробить стену, скрывающую Кино. Камни трескали от каждого удара. Кино не поднимала головы.

Тишину быстро нарушил тонкий звук разрыва липучки на кармане. Лиса перезаряжалась.

Взгляд Кино остановился на камне размером с кулак возле ее правого локтя. Она подняла его, отметив, что рядом лежит еще много камней. Она убрала "Лесника" в кобуру, вскочила на ноги и изо всех сил швырнула камень. Камень ударился о что-то более мягкое и податливое, чем каменная кладка. Другая женщина вскрикнула от боли и возмущения. Что-то металлическое подпрыгнуло и заскрежетало по камню.

Блондинка выронила обойму.

Кино подхватила по два камня в каждую руку и зигзагами перебежала от одного обломка к другому, направляясь к своей противнице. Не доходя до укрытия, Кино услышала звук заряжаемой обоймы. Секундой позже женщина высунула голову из укрытия, увидела, что к ней приближается Кино с занесенной рукой, и дернулась назад. Но она опоздала - камни уже покинули руки Кино.

Кино упала на колени за кучей столов и стульев, но не успела услышать удар и увидеть, как на лице блондинки внезапно выступила кровь. По крайней мере один камень попал ей в голову.

Кино прижалась спиной к искореженному металлическому столу и закричала:

— Вы меня слышите?

— Да, я тебя слышу.

— Вы уверены, что не сдадитесь?

— Ты шутишь? У меня есть гордость, девочка.

— Этот пистолет ставит вас в невыгодное положение так близко...

Молчание.

Вздыхнув, Кино снова достала "Лесника", смутно ощущая одобрительный ропот толпы. Пот выступил на лбу и стекал по щекам. Она прислушалась, пытаясь определить, что делает блондинка за своим куском крепости. Металл скрежетал по металлу, а затем скрежетал по дереву.

Она разбирала пистолет?

И снова звук расходящихся липучек. Кино отчаянно желала увидеть, что происходит. Осмелится ли она рискнуть, что лиса обезоружена, по крайней мере на данный момент?

Кино перекатилась влево, стараясь не задеть ни одной песчинки. Она окинула взглядом груды хлама слева внизу, присмотревшись к куче металлолома, скрывавшей ее противника. На самом верху неуверенно балансировал витой кусок стали размером с сервировочное блюдо. Кино выстрелила в него из "Лесника". Пуля срикошетила, и кусок опрокинулся, прихватив с собой еще несколько кусков металла.

— Черт!

Блондинка выскочила из укрытия и помчалась не к Кино, а прочь. Она выстрелила из винтовки один раз и нырнула.

Кино откатилась от края груды камней. Непрерывный поток пуль разорвал грязь на том месте, где она лежала несколько секунд назад, взметнув в воздух песок. Блондинка каким-то образом изменила свой пистолет, превратив его из однозарядного оружия в пулемет. План Кино использовать время перезарядки противника, чтобы подобраться достаточно близко и заставить сдаться, был буквально разрушен.

Град пуль обрушился на правую сторону ее укрытия. Осколки камня заплясали, заставив ее отступить к центру.

Затем блондинка вытащила обойму, чтобы перезарядиться.

Кино на мгновение растерялась: конечно, у нее еще оставались патроны в магазине. Элемент неожиданности?

Мгновение спустя она услышала топот ног по песку.

— Ты хорошо сражалась, — сказала блондинка. — Но я собираюсь положить этому конец. Если

ты выйдешь сейчас, я не буду стрелять. Я приму твою капитуляцию.

— Дайте мне подумать об этом.

Блондинка рассмеялась.

— Конечно, девочка.

Волосы встали дыбом, когда мягкие шаги медленно приблизились к ней слева. Она прижалась к погнутой стальной двери, торчащей из обломков. Ее противник очень скоро достигнет крайнего левого конца груды камней.

Внезапно женщина открыла огонь, метнувшись за груды. Воздух наполнился звуками пуль, стреляных гильз и шумом. Пули забрызгали землю за обломками, но Кино там уже не было. Вместо этого они попали в стальную дверь и срикошетили обратно.

Блондинка вскрикнула и упала на землю, приседая, пока не отлетел последний рикошет. Она начала подниматься.

— Лгунья!

Кино навела "Лесника" на дверь и сделала три быстрых выстрела в плечо блондинки.

Она выронила винтовку.

Не прекращая прицеливаться, Кино вышла из-за двери.

Женщина рассмеялась и покачала головой.

— Хорошо, я сдаюсь...

— Спасибо, — сказала Кино.

Кровь сочилась из ее плеча, но женщина улыбнулась и сказала:

— Знаешь, ты довольно милая. Я бы тоже могла тебя усыновить.

— Извини, — сказала Кино, — одной матери мне более чем достаточно.

Гермес, проспавший до утра, проснулся, когда в комнату вошла Кино с тяжелым свертком, завернутым в бумагу.

— С возвращением, Кино. Как я вижу, все еще в безопасности. Не меньше, чем ожидалось. Что это? Утешительный приз или что-то еще?

Кино осторожно опустила пакет на кровать.

— Нет, то, что мне нужно на завтра.

Кино открыла пакет и достала бутылку, наполненную зеленой жидкой взрывчаткой, которую использовала Пушка. Рядом лежала небольшая картонная коробка, наполненная пулями 44-го калибра. Из их багажа она достала небольшую портативную печку, положила в нее несколько кусков твердого топлива и зажгла их. Затем она вымыла чайную чашку.

Заваривать чай она не стала. Вместо этого она налила в чашку немного жидкой взрывчатки и поставила ее на огонь.

Гермес слегка вздрогнул.

— Ты уверена, что тебе стоит это делать, Кино?

Когда она не ответила, он надавил:

— Что ты делаешь, Кино?

Сосредоточенно нахмурившись, Кино ответила, не оборачиваясь.

— Выпариваю.

— Ого. Ну и дела. Это... это звучит... опасно, вот как это звучит. Зачем тебе делать что-то подобное?

Прежде чем ответить на вопрос, Кино сняла с огня чашку с загустевшей взрывчаткой.

— Это концентрирует взрывчатку, что создает более мощный взрыв, который выталкивает пулю из пистолета с большей скоростью.

Кино осторожно размешала содержимое чашки, которое превратилось в густой сироп. Затем она наполнила раковину водой и остудила дно чашки. Теперь содержимое напоминало мятное желе.

Кино выбрала одну из пустотелых пуль и осторожно зарядила концентрированную жидкую взрывчатку в отверстие на кончике. Она заполнила ее гелем почти до краев, а затем установила на нее один ударный колпачок. Ударный колпачок она покрыла эпоксидной смолой, которую обычно использовала для устранения мелких повреждений деталей "Гермеса" - головок винтов, отверстий под болты и тому подобного. После высыхания она стала очень твердой, и высыхала очень быстро.

— А... разве эта штука не моя? — спросил он.

Она мрачно улыбнулась.

— Могу я использовать немного твоей эпоксидки, чтобы попытаться остаться в живых завтра, Гермес?

— О, конечно. Без проблем. Бери сколько хочешь. Только объясни мне, зачем.

Но внимание Кино было приковано к ее задаче. Лезвием ножа она вырезала глубокий крест в почти затвердевшей эпоксидной смоле.

— Готово!

Она подняла измененную пулю, счастливая, как ребенок.

— Ты ведь не скажешь мне, почему?

— Засыпай, Гермес, и мечтай, чтобы завтра мы оба уехали отсюда. Это... если мотоциклы спят.

Он действительно уснул. Но что ему снилось, он не помнил.

На третье утро в этом городе Кино проснулась на рассвете, остро ощущая наступивший день. Что бы она делала, гадала она, если бы их поединок длился четыре дня или пять? Она не знала и не тратила время на размышления. Так или иначе, поклялась она, к закату она освободится от этого места.

Она разобрала, почистила и перезарядила "Лесника", а затем, как всегда, потренировалась с ним.

Тем временем Гермес спал.

После завтрака Кино попросила стражника у двери дать ей информацию об истории и законах, связанных с состязанием. Охранник услужливо нашел книгу на эту тему и принес ей. Она уселась на узкую кровать и принялась листать текст, внимательно вчитываясь в строки.

Как рассказали ей стражники, состязание началось семь лет назад, когда предыдущий король, которого любили за твердое, но милосердное правление, умер внезапно и при подозрительных обстоятельствах. Придворные врачи осмотрели его, и один из них предположил, что он был отравлен. Как ни странно, этот врач тоже умер преждевременной смертью.

Сын короля, принц Юкио, взошел на трон своего отца и немедленно приступил к замене министров и придворных умершего короля. Они были слишком старыми, утверждал он, слишком узко мыслили.

Слишком опасны, подозревала Кино, и, возможно, слишком склонны выступать против нового правителя.

Удивительно, но чистки коснулись даже семьи короля: братья и сестры, тети и дяди - все были обвинены в неопределенном предательстве и либо казнены, либо сосланы.

Звучит знакомо, с горечью подумала Кино.

Из его семьи в живых осталась только жена короля Юкио, хотя и ненадолго. Новая королева была настолько убита горем, что покончила с собой. Их единственный ребенок исчез, и его местонахождение неизвестно до сих пор. Ходили слухи, что его убили, сослали или заточили под землю.

Как только Юкио был коронован королем, он начал вести развратную жизнь, устанавливая произвольные законы в этом щедром от природы королевстве. Конечно, поначалу было некоторое сопротивление. Но вскоре жители приспособились к жизни в беззаботных удовольствиях или, по крайней мере, осознали необходимость создавать видимость того, что они приспособились. Очевидно, что не делать этого было вредно для здоровья и неразумно. Они оказались в ловушке.

Согласно истории, одни предприимчивые души сходили с ума и исчезали в сельской местности, другие бежали, как трусы.

Любопытно, что именно эти самоизгнанники и послужили толчком к созданию конкурса. Они, как гласила история, потеряли благословенный дар гражданства, доказав тем самым, что недостойны его. Гражданство, по указу короля Юкио, нужно заслужить, чтобы им обладали только самые достойные.

Если под достойными, подумала Кино, подразумеваются убийцы.

Когда Гермес наконец проснулся, было уже почти полдень; Кино только что вызвали на последнюю битву. Он наблюдал за тем, как она устанавливает пустой цилиндр в Пушку и заряжает одну из камер жидкой взрывчаткой, закладывая в нее по меньшей мере вдвое больше обычного количества. Она не стала добавлять пыж, а зарядила свою пулю прямо в гель взрывчатки. И наконец, она закрепила один ударный капсюль на задней стенке патронника с пулей.

Гермес издал металлический кашель.

— Итак, каков план? Так, как ты это устроила, ты можешь выстрелить только один раз.

Кино улыбнулась.

— Один раз - это все, что мне нужно.

Повернув цилиндр так, чтобы он был готов к выстрелу, она убрала Пушку в кобуру. Затем она поднялась и погрузила весь багаж Гермеса, положив свое длинное коричневое пальто на его сиденье.

— Пойдем, Гермес. Я бы хотела, чтобы ты понаблюдал за этим раундом.

— Почему?

Кино снял его с подставки и вытолкнул из камеры. Казалось, что он волочится за ней, но это могло быть лишь ее воображением.

— У меня есть план. И как только бой закончится, я хочу уехать туда, где есть душ.

Она оставила Гермеса стоять у входа для участников под присмотром пары охранников средних лет. Прямо напротив него, на трибунах, король потягивал прохладительные напитки в своей личной ложе.

Кино шла к центру Колизея, сопровождаемая ревом аплодисментов. Когда она достигла центра арены, с противоположной стороны появился ее последний противник. Пока он шел, Гермес внимательно разглядывал его.

Это был молодой человек - возможно, лет десяти или двадцати - высокий, стройный и хорошо сложенный. Его волосы длиной до воротника были черными, как у Кино, и мягко колыхались на ветру. На нем были синие джинсы и зеленый свитер с матерчатыми накладками на плечах и локтях.

Оба участника остановились лицом к лицу. Выражение лица и походка мужчины совершенно отличались от тех, что были у предыдущих противников Кино. Он выглядел... мирным, спокойным, отрешенным. Его губы изогнулись в подобии улыбки - как у мученика, идущего на казнь. Единственным его оружием была катана на боку, ножны были засунуты прямо в пояс.

— Извините, — обратился Гермес к охраннику. — Этот симпатичный молодой человек с мечом - последний противник?

— Да. Он тоже пока не пострадал. Так что я бы сказал, что они хорошо подходят друг другу. Твой приятель умен, но этот парень умен и силен. На этот раз у твоего малыша могут быть проблемы.

— Девочка, — рассеянно сказал Гермес. — Кино - девочка.

— Без шуток? А? Представь себе. Что-то ты не очень беспокоишься о ней.

— Зачем беспокоиться? Беспокойство не сделает Кино сильнее. А она чертовски умна, как ты сам сказал.

— У тебя холодное сердце.

— Нет. Я просто знаю, что Кино может победить. А главное, у меня такое чувство, что на кону стоит нечто большее, чем сам поединок.

Гермес сделал паузу, чтобы обдумать свои слова.

— Вообще-то, раз уж ты заговорил об этом, есть одна вещь, которая меня беспокоит.

— Да? И что же?

— У Кино есть план. Меня это всегда... немного пугает.

— Меня зовут Шидзу, — сказал человек с катаной. Его тон был вежливым, а манеры - безупречными.

— Я - Кино.

— Кино. — Он слегка поклонился. — У меня есть просьба.

— И какая же?

Шидзу произнес те же слова, что и Кино четыре раза до этого.

— Пожалуйста, сдайся сейчас. Я приму это.

Она удивилась.

— Шидзу, ты действительно хочешь быть гражданином этой... выгребной ямы?

Его глаза расширились на последнем слове. Он явно не ожидал этого. Он на мгновение уставился на Кино, изучая ее лицо.

— Да. Да... Да.

— Она сгнила до основания.

— Ты говоришь это, но все равно продолжаешь играть в эту нелепую игру, и, судя по всему, играешь, чтобы выиграть, хотя не хочешь здесь жить?

— Да.

Шидзу оглянулся через плечо. Через мгновение он вернул взгляд на Кино и сказал:

— Я должен кое-что сделать... после того, как стану гражданином. Надеюсь, ты сдашься. Я не желаю тебе зла.

Его тон был торжественным, почти смиренным, что вызвало у Кино любопытство, но она осталась при своем мнении.

— Я не знаю, что это за нечто, но я должна отказаться. Мне тоже есть чем заняться после победы.

— Зачем? Зачем ты сражаешься, если ничего не хочешь получить?

Спокойствие Шизу было нарушено, хотя и незначительно.

— Ответ прост. Сейчас я хочу сражаться. И победить.

Кончики пальцев Кино легким танцем прошли по рукояти пушки.

Шидзу покачал головой. Он еще раз оглянулся, затем беззвучно взял рукоять своего меча обеими руками и одним плавным движением выхватил его из ножен.

Трубы возвестили о начале поединка.

Кино потянулась за спину, достала Лесника, сняла предохранитель и прицелилась в Шидзу, но не выстрелила.

Шидзу не дрогнул. Он держал меч на средней гарде, лезвие было слегка наклонено. Мягкость, которой он, казалось, обладал всего несколько мгновений назад, исчезла, и теперь Кино видела и чувствовала, как в нем нарастает напряжение.

Шидзу сделал один шаг к ней. Затем еще один.

Она выстрелила в Лесника один раз. Пуля прошла совсем рядом с головой Шидзу.

Шидзу не успел даже моргнуть, как сделал еще один шаг.

Кино прицелилась ближе к его голове и выстрелила снова. Шидзу снова не отреагировал и, как только пуля просвистела мимо его уха, сделал еще один шаг.

Кино осторожно выдохнул, прицелился в правое плечо Шидзу и выстрелил. Катана Шидзу встретила пулю с резким, музыкальным звоном. Кино не могла подавить своего восхищения и изумления.

— Ты очень хорош, — сказала она ему. — Или очень везучий.

Она выпустила еще несколько пуль, целясь в руки и ноги Шидзу. С ослепительной скоростью, не требующей усилий, его клинок двигался, сбивая каждую пулю с курса.

— Видимо, очень хорош, — признала она.

Шидзу улыбнулся и сделал еще один шаг навстречу.

— Вот, видишь? Вот о чем я говорю, — с энтузиазмом сказал охранник, явно впечатленный Шидзу.

Гермесу пришлось признать, что он тоже был впечатлен.

— Отбить пулю мечом - это просто потрясающе. Как он узнает, куда собирается стрелять Кино?

— Наклон ствола; движение глаз. Он делал это и в двух предыдущих поединках, сразил пару профессиональных стрелков. Это тот противник, которого нельзя запугать.

Кино часто говорила, как прекрасен мир. Гермес сомневался в его красоте, но никогда - в его непредсказуемости. Здесь был соперник, который мог оказаться ей не только по силам. Гермес не раз видел, как рот Шидзу произносит слово "сдаться", и надеялся, что Кино его примет.

— Но он никого не убил, — добавил стражник после некоторого раздумья. — Вроде как твой приятель... э-э, твой... Кино.

— Правда?

— Ни одного. Он, конечно, ранит их, но не убивает. Я никогда не слышал, чтобы оба участника дошли до финального раунда, никого не убив. В смысле, каковы шансы?

Как ни странно, охранник выглядел скорее впечатленным, чем разочарованным.

Кино выстрелила уже восемь раз, ни разу не попала в Шидзу. В магазине оставалось два патрона, но она выронила его и зарядила новый.

Шидзу был всего в нескольких шагах от нее.

— Ты сдашься? — спросил он спокойно, почти ласково, меч по-прежнему находился на середине гарды.

— Нет, спасибо, — солгала Кино, нацелив пистолет на клинок Шидзу. Она перевела ствол в одну сторону, и клинок последовал за ней. Она вернула ствол обратно и выстрелила. Пуля отклонилась.

— Впечатляет!

Шидзу двигался как молния, мгновенно сокращая расстояние между ними. Переложив катану в правую руку, он нанес диагональный удар вверх - лезвие двигалось слишком быстро, чтобы за ним могли уследить даже острые глаза Кино. Верхняя часть лезвия ударила по стволу Лесника и выбила его из руки.

Теперь, держа меч в обеих руках, Шидзу перевернул клинок и метнул его вниз, целясь в левое плечо Кино. Но Кино оказалась проворной. Скрестив обтянутые кожей руки, она отразила атаку Шидзу и поймала клинок в месте соприкосновения с рукоятью, зажав его между запястьями. Раздался резкий лязг металла о металл, и полетели искры.

Прежде чем Шидзу успел что-то сделать, Кино отбросила его клинок в сторону, развернулся к нему правым боком и ударил пяткой ладони в висок. От удара он наполовину упал, наполовину оступился, и, падая, рубанул своим клинком. Он целился в бок Кино, но она приняла удар на запястье. Он перекатился на ноги в метре от нее, его оружие снова было на середине гарды, а глаза смотрели вопросительно.

Кино выпрямилась, настороженно наблюдая за ним. Она позволила напряжению покинуть тело и встряхнула руками, как будто они спали. Из-под разрезов на куртке блеснул металл.

— Ты молодец, — сказала ей Шидзу. — Неожиданная. Ты знаешь много способов удивить и

запугать. Я впечатлен.

Шизу вскинул меч так, чтобы острое лезвие было направлено на Кино.

— Но я бы предпочел, чтобы ты сдалась.

Кино опустила руки, понимая, что выглядит расслабленной и беззащитной.

— Я отказываюсь.

— Когда я стану гражданином, я издам закон, который позволит и тебе жить здесь.

— Нет, спасибо. Я уже говорила тебе - я не заинтересована в том, чтобы стать здесь гражданином.

— Ах, да. Как я мог забыть? Но если мы будем продолжать в том же духе, ты умрешь.

Кино улыбнулась.

— Тебе не нужно меня убивать. Я зашла так далеко, никого не убив.

Шидзу нахмурился, любопытство сменилось недоумением.

— Что... что ты имеешь в виду?

— А, конечно. Ты не видел ни одной моей битвы, так же как и я не видела ни одной твоей. Я развлекала толпу тем, что побеждала, не убивая. Похоже, им это нравилось - ты же слышал аплодисменты, когда я выходила на арену. Но, видимо, ты хочешь завершить дело, показав им действительно хорошее убийство, я права?

Шидзу не ответил, но глаза его смягчились - от чего именно, Кино точно не знала. Возможно, это было сострадание. Затем он двинулся, за секунду преодолев расстояние между ними, и его клинок оказался на уровне плеча.

Кино выхватила Пушку.

Оба бойца застыли, словно скованные льдом. Руки Шидзу дрожали над головой, парящий кончик клинка был нацелен в горло Кино. Кино, вытянув правую руку, нацелила дуло пушки в точку между бровей Шидзу. Курок пушки был взведен; Кино оставалось только нажать на курок, и Шидзу умрет.

Их взгляды встретились.

— Ты быстрая, — прошептал он.

— Легче определить, откуда летит лезвие меча, чем откуда выстрелит пистолет. Просто нужно быть быстрее противника. Ты слишком заиклен на победе, Шидзу. Может, это и наивно с моей стороны, но я считаю, что это соревнование должно быть для развлечения, а не для убийства.

Напряжение исчезло с лица Шидзу, оставив прежнее спокойное выражение. Меч по-прежнему

был поднят над головой, и он сказал:

— Похоже, я проиграл. Что теперь? Ты позволишь мне сдаться? Или я умру здесь?

— Ни то, ни другое.

Как только это слово вылетело из ее уст, Кино поняла, что настал тот самый момент. Не она выбрала его, а он выбрал ее. Улыбка не сходила с лица, но по внезапно мелькнувшей в глазах Шидзу настороженности она поняла, что взгляд ее стал холодным.

Левой рукой Кино потянула за стержень под стволом пушки, чтобы установить патрон, в котором находилась разрывная пуля.

Шидзу перевел взгляд на движение ее рук.

— Что... ты делаешь?

Но они оставались неподвижными слишком долго. Беспокойная толпа взорвалась кровавым бешенством.

— Прикончи его! Убейте его! — раздавались крики. Вскоре они перешли на простой, первобытный ритм:

— Убей! Убей! Убей! Убей! Убей! Убей!

Застыв на месте, Кино немного отклонилась влево, Пушка по-прежнему была нацелена в голову Шидзу.

Шидзу сделал неуверенный шаг вправо.

— Что ты делаешь? Если ты собираешься убить меня...

Кино опустил Пушку, упершись холодным дулом в горло Шидзу. Она посмотрела ему в глаза.

— Кто стоит за тобой на трибуне?

— Что? О... ты... мой Бог!

— Я ничей Бог, — пробормотала Кино, а затем крикнул — Утка!

Колени Шидзу подогнулись, и Кино нажала на курок.

Молоток ударил по ударному колпачку, и пуля выскочила из ствола. Она безвредно прошла над головой Шидзу, но разряд создал ударную волну достаточной силы, чтобы опрокинуть его на спину.

Кино тоже отбросило назад, боль пронзила обе руки. Действительно, Пушка, подумала она, падая на землю и перекатываясь.

Но пуля попала точно в цель и устремилась прямо в кресло в ложе в центре трибуны. Залитая эпоксидной смолой головная часть пули ударилась о стекло, которое оказалось не таким уж толстым, и прошла сквозь него. Стекло разлетелось вдребезги, обрушившись на него водопадом.

Сила удара отбросила четыре секции стеклянного корпуса. Оставшаяся часть пули устремилась дальше, в лицо человека, носящего корону. Пробив кожу, разорвав мышцы и раздробив череп, пуля вошла в его голову. Металлический обод был вырван и раздавлен ударом. Ударный капсюль выстрелил; возникла маленькая искра; концентрированная жидкая взрывчатка воспламенилась.

Голова короля взорвалась.

Шидзу увидел, как стекло разлетелось вдребезги, а ударная волна от взрыва пушки отбросила его назад. С земли он наблюдал за алым взрывом - на всех, кто находился в ложе, посыпались обломки внезапно оборвавшейся жизни.

Затем трибуны взорвались хаосом.

Когда красный туман рассеялся, Шидзу понял, что король мертв. Он схватился за голову, его голова кружилась и болела.

— Да здравствует король, — прошептал он, а затем притворился, что потерял сознание.

Кино смотрела, как столпотворение охватывает трибуны, распространяясь от своего кровавого эпицентра подобно волне цунами. Это, подумала она отстраненно, похоже на детскую игру в телефон.

Понаблюдав за происходящим, она убрала бесполезную Пушку обратно в кобуру и взяла в руки Лесника. Она проверила, не поврежден ли он, и убрала его в кобуру. Затем она скромно сложила руки на талии и стала ждать.

Когда волна осознания прошла, и внимание людей вернулось на арену, Кино широко развела руки, вышла вперед и закричала:

— Все! Король мертв. Убит шальным снарядом, предназначенным для моего противника! Я разделяю вашу скорбь!

Она сделала паузу, а затем добавила:

— Но я победила! Теперь я одна из вас! И как победитель, я заявляю о своем праве принять новый закон!

Ошеломленные, они молча слушали, даже те, на ком была кровь короля.

— Без короля, — сказала им Кино, — в этой стране не будет порядка! Поэтому я сама буду выбирать нового короля! Вот мой закон: начиная с этого момента, вы будете соревноваться в выборе следующего правителя! Пусть любой совершеннолетний гражданин, желающий занять трон, выйдет вперед и сразится за него. Тот, кто останется последним, станет королем или королевой! Те из вас, кто не будет сражаться, должны покинуть этот город и лишиться прав гражданства! Таков закон!

На секунду в Колизее воцарилась полная тишина, пока толпа вникала в логику Закона Кино. Некоторые быстро сообразили, что если все будут сражаться до смерти, то в конце концов появится король или королева, у которых не будет ни одного подданного, кроме детей, стариков и немощных. А если бы все предпочли не сражаться, то опять же получился бы правитель без королевства. И среди этих немногих некоторые пришли к выводу, что их город останется цел, только если они не будут сражаться до смерти.

Однако большинство не думало. Они просто реагировали на происходящее страхом, или гневом, или облегчением, или любой из тысячи эмоций, которые громко выражали.

Снова зазвучал рев толпы, и Кино двинулась к входу, где ждал Гермес. По пути она перешагнула через Шидзу, случайно пнув его.

— Ой!

— Прошу прощения. Я рада видеть, что ты не умер. Полагаю, у вас нет контузии. Я ухажу. Если ты хочешь стать гражданином этой дыры, иди.

Кино оставила Шидзу присматривать за собой. Она вернулась к Гермесу, смахнув с его сиденья свой плащ.

Гермес просто сказал:

— С возвращением. Это было еще страшнее, чем обычно.

Охранник, стоявший рядом с Гермесом, кивнул Кино и сказал:

— Ты - нечто, девочка. Умная, вот что. Как насчет того, чтобы объединиться? Ты должна стать королем или королевой, я думаю, верно? А я мог бы стать капитаном гвардии.

Кино надела пальто, выглядя незаинтересованной.

— Нет, спасибо. Я уйду отсюда так быстро, как только смогут унести меня его маленькие колесики.

Она перекинула ногу через сиденье Гермеса и села.

Охранник недоуменно посмотрел на нее, а затем окинул взглядом толпу на трибунах.

— Если вы не хотите, чтобы вас убили, вам тоже лучше уехать, — предложил Гермес.

— Ты так думаешь?

— У вас есть семья? — спросил Гермес, когда Кино завела двигатель. Гул эхом отразился от бетонных стен.

Охранник кивнул.

— Тогда, я думаю, вам действительно стоит уйти. Ваша семья будет вам благодарна.

— Он довольно мудр для такой машины, — сказала Кино и включила передачу Гермеса.

Через секунду они исчезли, скрывшись в коридоре под трибунами.

Шидзу пробирался через трибуны, двигаясь медленно, с безучастным выражением лица. Многие сбежали, но среди тех, кто остался, начались потасовки и бурные философские споры. Он не обращал на них внимания.

Один из мужчин узнал его и потрепал по плечу.

— Ты очень хорош, мечник. Присоединяйся ко мне в этом бою - мы покажем им, кто здесь хозяин. Что скажешь?

Шидзу проигнорировал и это, отпихнув руки незнакомца.

— Эй, прояви уважение, неудачник! — прорычал мужчина. Его манящий жест привлек на его сторону еще нескольких мужчин. Они набросились на Шидзу со всех сторон, размахивая кусками железных перил, которые они сорвали с ржавеющих стендов.

Шидзу обернулся и выхватил катану. Он ударил человека, стоявшего позади него, через левое плечо и, сделав ответный взмах, оставил длинный порез на лице того, кто стоял перед ним. Остальные нападавшие разбежались.

Все еще держа меч наперевес, Шидзу продолжал подниматься, пока наконец не достиг поля осколков стекла. Ступив в ящик, он постарался не обращать внимания на скрип кровавого ковра под ногами.

Он посмотрел на короля, который все еще сидел в своем кресле и был на голову ниже, чем раньше. Королевские драгоценности исчезли, их растащили падальщики. Даже верхняя мантия была очищена от призов. Короны нигде не было видно. Шидзу не думал, что она сохранилась лучше, чем голова, на которой она сидела.

Он слегка улыбнулся и испустил долгий, медленный вздох.

— Мы встретимся снова.

Отойдя на некоторое расстояние от стен города, Кино и Гермес оказались на берегу широкого сверкающего озера. Это был прекрасный, безмятежный пейзаж, который так и просил. Кино, которая в последнее время так мало наслаждалась отдыхом, остановила мотоцикл, чтобы посмотреть, как солнце сверкает на мелкой ряби.

— Я не тороплюсь, — сказал Гермес.

Она посмотрела на него, затем бесшумно слезла с мотоцикла и опустилась на травянистый берег. Кино сделала глубокий вдох, на мгновение задержала его, а затем выдохнула, словно изгоняя последний вздох Колизея и его застоявшегося города.

— Прекрасно, — пробормотал Гермес, глядя на спокойную гладь воды. В ряби отражались солнце, голубизна неба и свежая зелень леса у кромки воды.

Кино бросила камешек. Он с шумом упал в воду, и по поверхности пошли волны. Они быстро стихли, и пасторальная картина восстановилась: деревья словно наклонились над водой, чтобы поймать в ней свои отражения.

— Скажи, Кино...

— В чем дело, Гермес?

Гермес ответил не сразу. Они просто слушали пение птиц вокруг. Через некоторое время он продолжил:

— Помнишь ту пару, которую мы встретили? Ту, что была в конном экипаже?

— Да.

Кино бросила еще один камешек.

— Ты сказала, что они рассказали тебе об этом месте.

Кино кивнула.

— Рассказали.

— Но, насколько я помню, мы встретили жену позже. И она была одна.

Да, она была одна.

— Я помню, — сказала она вслух. Еще один камешек полетел в озеро, на этот раз проскочив по поверхности.

— Если я все правильно помню, женщина улыбнулась тебе и сказала: "Это была замечательная страна. Ты должна обязательно посетить ее, Кино".

— Да, именно так она и сказала.

— Хорошо. Я признаю это. Я не понимаю. Я в тупике. Что она имела в виду? Мы же видели, что это за "чудесная страна".

Кино подняла камень размером с голову ребенка и бросила его. От сильного всплеска по воде пробежала уродливая рябь, и мир, отраженный на поверхности, задрожал. Но это длилось не вечно, и в конце концов озеро снова стало спокойным зеркалом.

Так ли устроен прекрасный мир? Всегда ли спокойствие возвращается даже после самых разрушительных потрясений?

— Я тоже этого не понимаю, — призналась Кино. Она встала и вытерла пыль с брюк, бросив короткий взгляд в воду. На нее смотрело молодое худое лицо с растрепанными черными волосами. Она отвела взгляд.

Когда она садилась на Гермеса, то услышала шум мотора в лесу позади них. Он приближался.

— Это дюнный багги, — объявил Гермес. — По ритму работы двигателя можно догадаться.

Внезапно низкий дюнный багги выехал из леса и остановился перед Кино и Гермесом. На водительском сиденье сидел Шидзу. Рядом с ним сидела большая собака с густой белой шерстью. У нее были большие миндалевидные глаза и умильная морда, которая, казалось, улыбалась.

— И снова здравствуй, Кино, — сказал Шидзу, улыбаясь в тон своей собачьей спутнице.

Кино внимательно следила за выражением своего лица.

— Привет.

Шидзу заглушил двигатель машины и слез из нее, сняв очки. Его катана лежала на полу со стороны пассажира.

Подойдя к Кино, Шидзу сказал:

— Я надеялся, что увижу тебя снова.

Он удивил ее.

— Правда? Жаль, что ты не смог стать гражданином. Или королем.

— Я не хотел ни того, ни другого, помнишь? Но я хотел поблагодарить тебя.

— Поблагодарить... меня? — настороженно спросила Кино.

— Да, — ответил Шидзу, склонив голову. — Я хотел победить, чтобы сделать... то, что ты сделала для меня. От всего сердца благодарю тебя, — он посмотрел Кино прямо в глаза, — за то, что ты убила моего отца.

Кино ничего не сказала, не смогла. Как она могла не знать?

Гермес воскликнул:

— Ты принц?

— Был. Но не больше... Мой план состоял в том, чтобы победить, а когда король попытается повесить на меня медаль, сразить его наповал. Я планировал это семь лет. И благодаря тебе, Кино, я наконец-то свободен.

Шидзу неловко хихикнул и опустил взгляд на очки в своих руках, как будто они сделали что-то забавное.

Кино сказала:

— Месть... плохая идея.

Шидзу кивнул, все еще улыбаясь.

— Да, так и есть.

На некоторое время оба замолчали.

— И что ты теперь будешь делать? — спросила Кино у Шидзу, забираясь в коляску.

— Бродить, наверное. Как и ты. Пока не найду то, чем хочу заниматься. Где-то, где я хочу остаться. Пока что я отправлюсь на север. Мы ведь привыкли к холодным местам, верно, Рику? — сказал он, погладив сидящего рядом пса.

Гермес ожидал, что существо залагает, но вместо этого оно ответило:

— Как скажешь, Шидзу.

Гермес был ошеломлен.

— Не может быть! Эта собака только что заговорила!

Рику поднял белую бровь.

— Ты что-то имеешь против говорящих собак? Немного дерзко для мотоцикла, не так ли?

— Наглость! — прошипел Гермес.

— Да какому уважающему себя помощнику нужен водитель? Давай, попробуй догнать нас сам. Держу пари, у тебя не получится.

— О, укуси меня! Это все, что вы делаете, клыкастые, не так ли? А вы только и говорите - стайные животные, все вы. Стайные животные с врожденной потребностью к лидерству.

— Стайное животное? — Пес усмехнулся. — Смотрите, кто говорит! Это у тебя... как ты называешь эту штуку - седло?

— Я не это имел в виду!

— Я знаю, что ты имел в виду. Ты видел здесь других собак? Говорящих собак? Я уникален.

— Ну, я тоже!

Шидзу и Кино обменялись быстрым взглядом и одновременно произнесли.

— Прекрати, Рику.

— Хватит, Гермес.

Рику, казалось, был готов прыгнуть на мотоцикл, но он замолчал и бросил на Кино взгляд, выражающий явное уважение.

— Я - Рику, верный слуга своего господина Шидзу. Для меня было честью наблюдать за вашим выступлением в финальном раунде. Учитывая все обстоятельства, Шидзу выжил сегодня благодаря вам. Я тоже благодарю вас.

Улыбка Кино была скромной.

— Не за что. Какая замечательная собака! Можно тебя погладить?

Пес нетерпеливо завилял хвостом, и Кино подвинулась, чтобы обнять его и провести обеими руками по густой шерсти. Рику лизнул Кино в щеку.

Гермес наблюдал за тем, как Рику наслаждается этими объятиями, с крайним раздражением.

— Подлизывается, — пробормотал он тихо, чтобы никто не услышал.

Кино еще немного погладила Рику, потом потянулась вниз и достала что-то из-под пассажирского сиденья. Это была корона, скрученная и порванная, которая недавно сидела на голове короля Юкио.

Увидев ее, Шидзу недовольно скривился.

— Я не могла поверить, что от нее что-то осталось. У меня ушло около получаса на то, чтобы отмыть ее и привести в порядок... вроде того. Я взяла ее на память о своем дедушке.

Кино в последний раз погладила Рику по голове, поцеловал его в макушку, а затем повернулся к Шидзу. "

— Наверное, я не тот человек, который должен это говорить, но ты уверен, что не займешь трон?

Он кивнул.

— Очень уверен.

— Почему?

— Человек, пытавшийся убить собственного отца, не имеет права править королевством.

— Ты так думаешь? А как насчет человека, который пытался исправить великое зло?

Кино взяла корону в обе руки и молча, осторожно водрузил ее на голову юноши.

Шидзу скривился.

— Выглядит ужасно, не правда ли?

Кино мгновение смотрел на него, потом улыбнулась и сказала:

— Может быть, и так.

— Кхм, — сказал Гермес. — Не хотелось бы прерывать этот трогательный момент, но, кажется, мы собирались уходить, Кино?

Она бросила на него суженный взгляд, а затем вернулась к нему, где, как она знала, ее место. Она надела шляпу и очки, перекинула ногу через сиденье и завела двигатель. Гермес чувствовал на себе пристальный взгляд Шидзу на сидевшей на мотоцикле, сломанная корона все еще была на его голове.

— Кино, — позвал он. — Ты точно не хочешь поехать со мной на север? Я знаю дорогу.

— Нет, спасибо. Мне нужно кое-куда съездить. И...

— И?

— Мне сказали, что девушкам не стоит встречаться с незнакомыми мужчинами.

Шидзу моргнул и посмотрел на Рику. В ответ пес прошептал ему что-то, что, похоже, удивило его. На мгновение между ними завязался быстрый раунд яростного шепота, по окончании которого Шидзу снова посмотрел на Кино и, улыбнувшись, покачал головой.

— Ну что ж, это облегчение. Думаю, на этом мы прощаемся... по крайней мере, пока. Надеюсь, мы когда-нибудь встретимся снова, Кино... Гермес.

— Пусть у тебя все будет хорошо. И у Рику тоже, — поклонилась Кино.

— Спасибо, сказал Рику.

Не успел он произнести эти слова, как Гермес прокричал:

— Пока-пока, сосунок!

— В следующий раз, бесхозный.

— Хмф!

Мотоцикл уносил Кино, и Шидзу с Рику смотрели им вслед, пока они не скрылись из виду.

Шидзу не уехал, как собирался. Вместо этого он вышел из багги и подошел к краю озера. Он посмотрел вниз, в воду. На него смотрел молодой человек в витой короне короля Юкио. Не успел он решить, идет ли ему эта корона или нет, как Рику начал водить пальцами по поверхности воды у своих ног. Крошечные волны разбежались по отражению Шидзу, разбив его на миллион осколков.

Шидзу обернулся и посмотрел на лес, откуда он пришел. За деревьями он больше не видел своей родины.

— Что, по-твоему, я должен делать, Рику? — спросил Шидзу у своего спутника.

— Я скорее встану на голову, чем скажу тебе, что делать, хозяин, — легко ответил Рику.

Шидзу почувствовал себя... довольным, умиротворенным.

— Да, — прошептал он.

И в последний раз оглянулся на город за лесом.